

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3407](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3407)

П. И. Рысакова

**ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕЛИГИЙ КИТАЯ.
РЕЦ. НА СТ.: GAO Q., HOPKINS P., MA X. (2025)
TOWARD POSTSECTULAR FEMINISM: INTERSECTIONALITY
AND THE RELIGIOUS SUBJECTIVITIES OF WOMEN MIGRANT
WORKERS IN CHINA. ANNALS OF THE AMERICAN ASSOCIATION
OF GEOGRAPHERS. VOL. 115. NO. 1. P. 167–183**

Правильная ссылка на статью:

Рысакова П. И. Постсекулярный поворот в исследованиях религий Китая // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 210—223. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3407>. Рец. на ст.: Gao Q., Hopkins P., Ma X. (2025) Toward Postsecular Feminism: Intersectionality and the Religious Subjectivities of Women Migrant Workers in China. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 115. No. 1. P. 167—183.

For citation:

Rysakova P.I. (2026) The Postsecular Turn in Chinese Religious Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 210—223. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3407>. Article Review: Gao Q., Hopkins P., Ma X. (2025) Toward Postsecular Feminism: Intersectionality and the Religious Subjectivities of Women Migrant Workers in China. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 115. No. 1. P. 167—183. (In Russ.)

Получено: 15.05.2026. Принято к публикации: 26.05.2026.

ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕЛИГИЙ КИТАЯ. РЕЦ. НА СТ.: GAO Q., HOPKINS P., MA X. (2025) TOWARD POSTSECULAR FEMINISM: INTERSECTIONALITY AND THE RELIGIOUS SUBJECTIVITIES OF WOMEN MIGRANT WORKERS IN CHINA. ANNALS OF THE AMERICAN ASSOCIATION OF GEOGRAPHERS. VOL. 115. NO. 1. P. 167—183

РЫСАКОВА Полина Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института международных отношений, МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-MAIL: vost5@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>

Аннотация. Рецензия знакомит российских социологов, религиоведов и культурологов с исследованиями китайских социологов о проблематике постсекулярности в условиях современного китайского общества с его официальной идеологической установкой на эпистемологию марксизма и атеизма. Несмотря на эту установку, в последние десятилетия Китай переживает заметное религиозное возрождение, что превращает его в важный кейс для пересмотра классической теории секуляризации и переосмысления конфигурации секулярного и постсекулярного в западных контекстах. Эти значимые по своим результатам исследования пока остаются малоизвестными российскому академическому сообществу. Статья Гао Цюаня, Питера Хопкинса и Ма Синжун «На пути к постсекулярному феминизму: интерсекциональность и религиозная субъектность женщин-трудовых мигрантов в Китае» (2025) встраивается в дискуссию о применимости западного теоретического инструментария к изучению реалий неевропейских обществ — как возможна постсекулярность в условиях капиталистической экономики, официальной светской идеологии и руководящей роли государства. Социологи выявляют множество вариантов сопряжения

THE POSTSECULAR TURN IN CHINESE RELIGIOUS STUDIES. ARTICLE REVIEW: GAO Q., HOPKINS P., MA X. (2025) TOWARD POSTSECULAR FEMINISM: INTERSECTIONALITY AND THE RELIGIOUS SUBJECTIVITIES OF WOMEN MIGRANT WORKERS IN CHINA. ANNALS OF THE AMERICAN ASSOCIATION OF GEOGRAPHERS. VOL. 115. NO. 1. P. 167—183

Polina I. RYSAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Institute for International Studies
E-MAIL: vost5@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4774-7238>

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. This review introduces Russian sociologists, scholars of religion, and cultural studies specialists to the work of Chinese social researchers on postsecularity in contemporary Chinese society. This society is marked by its official ideological commitment to Marxism and atheism. Despite this ideological framework, China has witnessed a notable religious revival in recent decades, which makes it an important case for revisiting classical secularization theory and for rethinking the configuration of the secular and the postsecular in non-Western contexts. These studies, significant in their findings, remain little known to the Russian academic community. The article by Gao Quan, Peter Hopkins, and Ma Xingrong, “Toward Postsecular Feminism: Intersectionality and the Religious Subjectivities of Women Migrant Workers in China” (2025), contributes to the ongoing debate on the applicability of Western theoretical frameworks to the study of non-European societies — namely, how postsecularity becomes possible under conditions of a capitalist economy, an officially secular ideology, and the leading role of the Party-state. The authors identify a range of articulations between religion, politics, and the economy that together constitute a distinctively Chinese configuration of the secular and

религии, политики и экономики, которые складываются в специфический китайский вариант конфигурации секулярного и постсекулярного. Для более полной реконструкции исследовательского подхода рецензия дополнена обращением к недавней диссертации Юй Сяочэнь «Исследуя постсекулярность в городском Китае: христианство, живая религия и интерсекциональный опыт христиан-мигрантов Шэньчжэня» (2025), в которой анализируются медиастратегии протестантских общин Шэньчжэня в условиях пандемии 2020—2022 гг. и государственного регулирования цифровой медиасреды. Рецензируемая статья также содержит ценные материалы, знакомящие с жизнью неофициальных религиозных общин современного Китая, закрытых в силу их статуса для стороннего наблюдателя.

Ключевые слова: религии Китая, протестантизм, постсекулярность, медиатизация религии, интерсекциональный анализ

the postsecular. To more fully reconstruct this research approach, the review also draws on the recent doctoral dissertation by Yu Xiaochen, “Investigating Postsecularity in Urban China: Christianity, Lived Religion, and the Intersectional Experiences of Migrant Christians in Shenzhen” (2025), which examines the media strategies of Protestant communities in Shenzhen during the 2020–2022 pandemic and under state regulation of the digital media environment. The article under review also offers valuable material on the everyday life of unofficial religious communities in contemporary China — communities that remain largely inaccessible to outside observers due to their unregistered status.

Keywords: Chinese religions, Protestantism, postsecularity, mediatisation of religion, intersectional analysis

Постсекулярная панорама повседневности современного Китая представляет собой парадоксальные и даже обескураживающие иностранца своей причудливостью переплетения политического и религиозного, образовательного и религиозного, экономического и религиозного.

Согласно социологическим исследованиям, на протяжении последних десятилетий Китай сохраняет репутацию одного из наименее религиозных обществ [Hackett et al., 2025: 91]. Этот тезис подкрепляется официальной статистикой КНР. Число верующих, относящих себя к той или иной конфессии, оценивается в 100 млн человек, что составляет лишь 7 % населения¹. Однако эти числа не обновлялись уже больше десяти лет, а официальные обследования количества верующих не проводятся.

Вместе с тем на фоне марксистской риторики и повсеместно внедряемых в учебные программы вузов курсов по китайскому марксизму студенты выбирают для отдыха и путешествий удаленные буддийские обители. Будущие госслужащие предпочитают заручиться поддержкой даосских божеств перед сдачей экзаменов на замещение чиновничьих должностей. Посещение храмов встраивается в маршруты городских прогулок между шопинг-моллами и ресторанами. И здесь возникают

¹ 中国的宗教信仰自由状况 (Чжунго дэ цзунцзяо синьян цзыю чжуанкуан [Ситуация со свободой вероисповедания в Китае]). Госсовет КНР. 2005. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615747.htm (дата обращения: 20.04.2026). (На кит. яз.).

вопросы: как возможны эти парадоксы современного общества и в какая эпистемологическая рамка или методологическая линза помогла бы нам понять их?

Китайский кейс интересен в контексте развернувшейся в теоретической социологии еще в 1990—2000-х годах дискуссии о нерелевантном современности концепте секуляризации и необходимости его пересмотра через прикладные сравнительные исследования кейсов из западных и азиатских обществ. В таком подходе привлекает внимание специфика современного китайского общества, в котором религиозное высказывание и пространства священного соседствуют с усилением официальной атеистической политики по инициативе партийного и государственного руководства и укреплением капиталистической экономики.

Для российских социологов религии исследования китайских ученых могут быть любопытны как пример операционализации новых концепций в конкретных прикладных исследованиях применительно к неевропейским обществам с их специфической постсекулярностью, разворачивающейся вне модернистской рамки и метанарратива «секулярное — религиозное». Здесь открывается пространство для дискуссии, насколько методологические решения, обнаруживаемые при анализе китайского материала, — концепция постсекулярного, интерсекциональная оптика, — могут быть продуктивны для изучения российских реалий.

Социологическое осмысление парадоксов китайского современного общества — специфических переплетений религиозного и атеистического — стартовало уже 2000—2010-е годы в публикациях китайских и западных ученых. В центре внимания тогда был вопрос об историко-культурной специфике секуляризации китайского общества. Стремясь ухватить особый характер секуляризации в Китае, исследователи предлагали обозначать ее как «секуляризация без секуляризма» или «секуляризация с китайской спецификой» [Szonyi, 2009; Ji, 2008, 2015].

Дискуссия о специфике китайского варианта секуляризации продолжается [Liao, 2019; Xu, 2024; Wu, 2025]. Ее особой чертой можно назвать приоритетное внимание к вопросу сопряжения религиозной и политической подсистем китайского общества. При этом для ученых, работающих в континентальном Китае, эта тема тесно связана с официальным политическим дискурсом о «китаизации религий» — так называется реализуемая с 2015 г. государственная политика, нацеленная на интеграцию религиозных организаций в идеологические программы строительства социализма под эгидой государства [Lu, Sheng, 2024].

Для исследователей за пределами Китая дискуссия о современном состоянии религий в Китае также по сути сводится к критическому обсуждению религиозной политики китайского государства и положения отдельных конфессий в контексте вопросов свободы вероисповедания, защиты прав человека и авторитарного политического режима [Laliberté, 2020].

На этом фоне обращают на себя внимание попытки нового поколения исследователей выйти за рамки дискуссии об исторической специфике процесса секуляризации в Китае и обратиться к вопросу, как становится возможным религиозное участие (и сама религиозность) в условиях капиталистической по своему характеру экономики и официальной атеистической доктрины политической системы современного Китая.

Первопроходцами в этом направлении стали молодые ученые китайского происхождения, получившие постдипломное образование за пределами Китая, в частности в вузах Гонконга, Великобритании и Голландии². Укорененность в китайской среде и глубокое знакомство с западной социологической традицией исследований религий позволили им ориентировать свои изыскания на поиск методологической линзы, позволяющей выявить и объяснить парадоксы китайской постсекулярности. Весьма примечателен путь, которым они пришли к изучению конфигурации секулярного и постсекулярного в современном Китае. Молодые китайские исследователи получили образование в области социологии. Основной сферой их научных интересов выступают проблемы внутренней миграции в китайском обществе и социального положения «городских мигрантов» — выходцев из сельской местности, прибывших в крупные города в поисках работы.

Дело в том, что в программе экономической модернизации 1980—2010-х годов именно сельское население оказалось главным источником дешевой рабочей силы для городской экономики, обеспечившей Китаю стремительный рост. Однако вплоть до сегодняшнего дня в силу несовершенства системы социальной защиты городские мигранты оказываются крайне уязвимой социальной группой. Зачастую они лишены тех социально-экономических прав, которыми пользуются горожане.

В религиозном отношении отличительная черта многих городских мигрантов — приверженность протестантскому вероисповеданию. Причины этого коренятся в истории распространения протестантизма в Китае в XIX веке усилиями западных миссионеров, которые активно проповедовали в сельских районах юга и юго-востока Китая. Религиозные убеждения городских мигрантов после переезда на работу в крупные города не только не ослабевали, но, напротив, укреплялись. Они выступали основой для выстраивания новых мигрантских сообществ в незнакомой для них городской среде. И именно этот факт побудил новое поколение социологов обратиться к вопросу о том, как именно религия участвует в конструировании сообществ городских мигрантов в условиях светского общества современного Китая.

Для китайского политического руководства вопросы социально-экономического статуса внутренних мигрантов остаются крайне чувствительной темой, поскольку приоткрывают «теневую» сторону в истории успешных социально-экономических преобразований. Вероятно, с этим связан тот факт, что молодые социологи, работая в университетах Китая, публикуют свои работы преимущественно на английском языке в зарубежных журналах.

Для рецензирования мы избрали статью «На пути к постсекулярному феминизму: интерсекциональность и религиозная субъектность женщин — трудовых мигрантов в Китае», опубликованную в 2025 г. совместно Гао Цюанем, Ма Синжун и Питером Хопкинсом, профессором социальной географии Ньюкаслского уни-

² Среди исследователей нового поколения можно назвать Гао Цюаня (Gao Qian), который получил постдипломное образование в Ньюкаслском университете и ныне занимает должность доцента школы географии и планирования университета Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу, Китай), Ма Синжун (Ma Xingrong) — получила степень PhD в Лейденском университете и преподает в должности доцента на факультете политологии университета Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу, Китай), Цянь Цзюньси (Qian Junxi) — преподает на факультете географии в Гонконгском университете, Юй Сяочэнь (Yu Xiaochen) — получила степень PhD в Университете Дарема (Великобритания) [Gao, Qian, Yuan, 2018; Gao, 2020; Gao, Hopkins, Ma, 2024; Yu, 2025].

верситета [Gao, Hopkins, Ma, 2025]. Для более полной реконструкции применяемого исследовательского подхода мы также обратимся к более ранним работам этих авторов [Gao, Qian, Yuan, 2018; Gao, 2020].

Основные исследовательские результаты, изложенные в статье, были получены при проведении полевого исследования в 2014—2018 гг. с применением качественных методов — глубинного интервью и включенного наблюдения.

Непосредственным объектом для изучения стали протестантские общины мигрантов города Шэньчжэнь, крупного мегаполиса юго-востока Китая вблизи от Гонконга. Этот кейс интересен прежде всего тем, что Шэньчжэнь выступает своего рода олицетворением китайского экономического чуда и эффективности государственных проектов масштабной социально-экономической модернизации. За несколько десятилетий после 1980-х годов из крохотной рыбацкой деревушки он был преобразован в крупнейший глобализированный мегаполис, в котором функционируют крупные производства транснациональных корпораций, финансовые и технологические компании.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что Шэньчжэнь стал центром притяжения внутренней трудовой миграции из менее развитых центральных и южных регионов Китая. В поисках лучшей жизни, очарованные возможностями нового чудо-мегаполиса мигранты из сельской местности попадали в жесткие условия низкой оплаты, невозможности обеспечить себя жильем, многочасового изнурительного труда. В силу существующей до сих пор в Китае системе социального обеспечения, привязанной к институту прописки (хукоу), городские мигранты оказываются невидимыми для городской системы социальной защиты, поскольку не имеют официальной городской регистрации. Это и обуславливает их маргинальное положение в городской среде [Gao, Hopkins, Ma, 2025: 173]. Таким образом кейс Шэньчжэня в концентрированном виде представляет собой секуляризованную городскую среду, жизнь в которой подчинена бюрократической логике капиталистического производства [Gao, 2020: 115, 129].

Вместе с тем Шэньчжэнь играет и важную роль в активизации религиозной жизни в современном Китае. По мере снижения политических и административных ограничений на религиозную деятельность в 1980—1990-х годах численность протестантов в Китае резко возросла с 6 млн в 1980-х годах до 58 млн в 2010 г. Восстановление легального статуса религиозных организаций позволило верующим более открыто заявлять о своей конфессиональной принадлежности, что нашло отражение в результатах социологических обследований религиозной ситуации в Китае. При этом изменилась и привычная география распространения протестантизма. Если исторически его позиции были сильны прежде всего в сельской местности, то после стремительной урбанизации и индустриализации 1990—2000-х годов, приведшей миллионы сельских жителей в города, именно новые горожане оказались основными носителями протестантской веры. Особенно ярко эта тенденция проявилась в Шэньчжэне, в котором протестантизм не имел исторических корней, но оказался вторым по популярности религиозным учением после буддизма [Gao, Hopkins, Ma, 2025: 169].

Стоит отдельно подчеркнуть специфику непосредственного объекта для изучения Гао Цюаня и его коллег. Ими были обследованы девять церковных общин про-

тестантов Шэньчжэня. Несколько из них представляли собой официально зарегистрированные церкви, действующие под эгидой проправительственного Комитета китайского патриотического протестантского движения «за три самостоятельности», учрежденного в 1954 г. Остальные относились к так называемым домашним церквям, неформальным объединениям, созданным по инициативе местных протестантских лидеров в оппозицию прогосударственному Комитету³. Деятельность таких общин остается закрытой и почти невидимой для публичной сферы. Для не-китайского исследователя их наблюдение остается практически недостижимым. Статья Гао Цюаня, Питера Хопкинса и Ма Синжун в этом контексте представляется особо ценной, поскольку содержит детальные материалы, свидетельствующие о повседневной деятельности таких общин.

В своем исследовании Гао Цюань и соавторы исходят из понимания религиозного возрождения в современном Китае как парадоксального. Оно сочетает две разнонаправленные тенденции: модернистский метанарратив о секуляризованном обществе и публичные репрезенты фрагментированных гражданских религиозных инициатив «снизу» (grassroots) [Gao, Qian, Yuan, 2018: 559; Gao, 2020: 1].

Исследование этого парадоксального соприсутствия смещает фокус анализа с привычного вопроса о степенях религиозности китайского общества в сторону проблемы встроенности религиозных гражданских инициатив снизу в публичную сферу, а религиозных мировоззрений и практик — в повседневность секулярной городской среды.

Методологическая рамка такого исследования опирается на концептуальные наработки 2010-х годов, представленные в работах П. Клоука, Дж. Бомонта, К. Бейкера, К. Сазерленда, Э. Уильямса [Cloke, Beaumont, 2013; Cloke et al., 2019]. В изучении постсекулярного они отталкиваются от рассуждений Ю. Хабермаса о взаиморефлексивной трансформации секулярного и религиозного и интерпретируют религиозное как этический и саморефлексивный проект, предоставляющий «строительные блоки» для укрепления ценностей секулярной современности [Gao, 2020: 42]. П. Клоук, К. Бейкер, К. Сазерленд, Э. Уильямс подчеркивают, что постсекулярность не следует понимать как некий универсальный общественно-исторический сдвиг или возвращение в «досекулярные» времена. Это в большей степени контекстно обусловленная актуализация этических ценностей, в которых пересекаются религиозные и секулярные нарративы и практики [Cloke et al., 2019: 3].

³ Протестантизм, наряду буддизмом, даосизмом, исламом и католичеством признается в КНР официальной религией, что означает разрешение проводить публичные богослужения на территории культовых объектов и обладание лицензией на проведение проповедей. При этом религиозные организации каждой из конфессий должны координировать свои действия с соответствующей головной ассоциацией, подчиняющейся государственным органам. Протестантские церкви структурно соотнесены с Комитетом китайского протестантского патриотического движения за «три самостоятельности». Так называемые домашние церкви — это протестантские общины, действующие за пределами официально санкционированного Комитета. Они возникли в 1950-х годах после отказа некоторых пасторов вступать в Комитет, поскольку членство в нем предполагало политическое подчинение КПК. В эпоху Культурной революции (1966—1976), когда все официальные религиозные структуры прекратили свою деятельность, именно домашние церкви стали неформальными центрами сохранения протестантского вероисповедания. Сегодня домашние церкви находятся в состоянии правовой неопределенности: формально они нарушают законодательство, поскольку не имеют официальной регистрации. Однако в силу действия ст. 36 Конституции КНР о гарантиях свободы вероисповедания прямого запрета на их деятельность нет. Такая правовая амбивалентность порождает пространство различных вариантов взаимодействия с государством, которое может усиливать контроль при активизации политических кампаний, а может негласно «не замечать» общины, опасаясь риска социальных протестов в случае прямых гонений. Подробнее см. [Wang, 2025].

Специфическим контекстом для проступания таких ценностей служит неолиберальная политика жесткой экономии (neoliberal politics of austerity). Декларативная риторика либерально-демократического проекта о правах человека и инклюзии на практике оборачивается безразличием и бюрократической слепотой к бездомным, безработным, мигрантам, малоимущим. Их депривация только усугубляется сокращением государственных социальных программ. Именно в эти «провалы» либерально-демократической модели встраиваются религиозные организации. Они заполняют ниши, оставленные государством, создавая пространства заботы и справедливости.

Такие пространства заботы, например приюты, центры помощи, в которых граница между религиозным и светским действием размывается, обозначаются как «постсекулярное сближение» (postsecular rapprochement). Их возникновение как раз и выступает институциональным маркером постсекулярности [ibid.: 61—64]. В этой постсекулярности религия проявляет себя как сопротивление неолиберальному притеснению через прямое участие в практиках заботы и справедливости, а также через поддержку и обеспечение публичной дискуссии по этим вопросам [ibid.: 34].

Отдельно отметим, что П. Клоук и его коллеги стремятся расширить применимость концепции постсекулярного к историко-культурным и социальным реалиям, отличным от христианства в условиях западных обществ, концентрируясь на вскрытии различных контекстов, в которых возникает и конституируется постсекулярность [ibid.: 155]. Обращаясь к примеру Китая, они задаются вопросом, в какой мере китайская версия постсекулярности — толерантность политической системы к религиям в идеологической рамке марксизма — в сочетании с ростом общественного интереса к религиозному, позволяет возникнуть новым формам политической и культурной агентности [ibid.: 176].

Вторая линия исследования молодых социологов — индивидуализация и субъективизация религиозности повседневных практик современного китайского общества. Опираясь на идеи Ч. Тейлора о «секулярных условиях веры» и концепцию «живой религии» (lived religion) Н. Аммерман, Гао Цюань смещает внимание к тому, как религия переживается и воплощается в повседневной жизни — через аффекты, эмоции, телесность и материальные пространства, а религиозная субъектность формируется на пересечении множественных социально-экономических и гендерных классификаций [Gao, 2020: 43]. На наш взгляд, акцент на формы «проживания религии» связан для него с попыткой преодолеть одно из ключевых методологических затруднений в исследованиях религий Китая. Дело в том, что исторически для китайского общества более характерна «диффузная» неинституционализированная форма религиозности, которая с трудом ухватывается через критерии конфессиональной организационной принадлежности. Именно поэтому концепция «живой религии», фиксирующая религиозность через повседневные практики, аффекты и телесность, а не через декларируемую конфессиональную идентичность, оказывается более адекватной для изучения религий в китайском контексте.

Основной исследовательский вопрос, который выдвигает Гао Цюань, отсылает к рассуждениям П. Клоука о специфике новых форм агентности в условиях

постсекулярного китайского общества. Как уточняет китайский ученый, в реалиях современного Китая условиями для возникновения постсекулярности выступают не только капиталистическая экономика. Важную регулирующую роль играет также и партийно-государственная система. И тогда ключевой вопрос может быть сформулирован так: как именно религия вовлекается в формирование новых социально-экономических и политических отношений, ценностей и опыта и какая новая религиозная субъектность возникает в этом процессе? [ibid.: 39].

Как наглядно демонстрирует Гао Цюань, в условиях современного Китая политический режим и капиталистическая экономика выступают необходимым условием для возникновения постсекулярного состояния. Политические ограничения и экономические тяготы стимулируют обращение к религии как к смысловой интерпретационной рамке, объясняющей реальность. При этом религия не просто оказывается оппозицией секулярному, а встраивается в секулярное, поддерживая его и переосмысляя.

В реалиях китайского общества протестантская этика и протестантские церкви играют двоякую роль. С одной стороны, обращение к кальвинизму в сельской среде повлекло за собой интернализацию неолиберального идеологического дискурса, под обаянием которого сельские жители и устремлялись за своей мечтой в большие мегаполисы. Ценностными детерминантами этого неолиберального идеологического дискурса Гао Цюань обозначил идеи человеческого капитала, ценности меритократии и самосовершенствования ради достижения экономического благополучия.

Вместе с тем при столкновении городских мигрантов с реалиями «капиталистического способа производства» и бюрократической рациональности именно протестантские церкви выступили искомым «пространством заботы» [ibid.: 306—307]. Протестантская теология обеспечила смысловую рамку, которая позволила рационализировать объективно сложные социально-экономические условия, в которых оказываются городские мигранты.

И здесь обращает на себя внимание лейтмотив рассуждений Гао Цюаня, неоднократно возникающий на страницах статьи. Отчасти вступая в полемику с П. Клоуком и его коллегами, которые видели в религии ресурс для сопротивления капиталистическому угнетению, Гао Цюань указывает, что отношения между религией, политической системой и капиталистической экономикой в китайском обществе сложнее. Они взаимно обуславливают друг друга, создавая конфигурацию светского и постсекулярного. Так, закрепление тяжелых условий труда и несправедливой социальной системы при капиталистической экономике и авторитарном политическом режиме создало пространство для возрождения интереса к религии и инициирования снизу религиозных движений. Вместе с тем религиозные учения, в частности протестантизм, способствуют интернализации ценностей неолиберального идеологического дискурса, обеспечивая ему смысловую реинтерпретацию.

Схожую логику анализа, нацеленную на преодоление оппозиции доминирования и сопротивления, Гао Цюань применяет и при исследовании религиозной агентности женщин-мигранток, членов протестантских церквей Шэньчжэня. Обращение к этой теме обусловлено спецификой гендерного состава протестантских верующих в Китае — женщины составляют более 70 % членов общины [Gao,

Hopkins, Ma, 2025: 168]. По убеждению авторов, для изучения религиозной агентности сельских мигранток требуется применение интерсекционального анализа.

Гао Цюань и соавторы обозначают интерсекциональность как «матрицу доминирования», образованную переплетением требований политической системы, неослабевающими патриархальными ожиданиями, укорененными в конфуцианских традициях китайского общества, классовым неравенством, распределением властных статусов внутри самих религиозных институтов. При этом авторы постулируют, что религиозная агентность не дана заранее, а возникает на пересечении этих структур доминирования в конкретных социальных условиях [ibid.: 172].

Отдельно подчеркнем, что Гао Цюань ставит под вопрос укоренившееся в феминистских исследованиях понимание женской агентности как формы сопротивления религиозным нормам. Опираясь на постсекулярную феминистскую традицию, он показывает, как деятельность верующих женщин реализуется не через прямое противостояние господствующему порядку, а через практики благочестия, самодисциплины и религиозного самосовершенствования.

В контексте рабочего пространства благочестие реализуется через протестантскую этику труда, переинтерпретированную в понятиях китайской культуры — бэнь-фэнь (долг). Добросовестный, дисциплинированный труд расценивается как христианская обязанность. В церковной среде женщины-мигрантки выстраивают стратегии адаптации, формируя «женское сообщество» и создавая пространство моральной поддержки и самореализации. Община становится единственной «зоной комфорта», где можно говорить о тяжелых переживаниях. В семейных отношениях идеалы «благочестивого брака» и религиозной семьи помогают им справиться с тревогой, нестабильностью жизни в мегаполисе и гендерным давлением.

При этом Гао Цюань признает ограниченность такой агентности. Требования успешной христианизации во многом совпадают с традиционными для китайского общества ожиданиями, предъявляемыми к женщинам, что приводит к внутреннему принятию властных отношений. И тем не менее многообразие форм, которые принимает «неконфронтационная» агентность, создают для женщин новое пространство возможностей [ibid.: 174—181].

В контексте активного изучения процессов медиатизации религии представляется важным дополнить представленный обзор протестантских общин Шэньчжэня анализом их медиапрактик. Релевантный материал содержится в недавнем диссертационном исследовании китайского социолога Юй Сяочэнь, подготовленном в Университете Дарема, Великобритания [Yu, 2025]. Переняв из работ Гао Цюаня объект изучения и концептуальную рамку анализа, она обратилась к изучению мигрантских общин в период пандемии COVID-19 (2020—2022 гг.). По ее наблюдению, выход в цифровую медиасреду оказался для протестантских общин вынужденной мерой в попытках адаптироваться к жестким карантинным ограничениям, принятых китайским правительством в период пандемии. В качестве основной медиаплощадки они выбрали самый популярный в Китае мессенджер WeChat. Его инфраструктура позволяет создавать общедоступные аккаунты для официально зарегистрированных организаций и закрытые группы пользователей, которые не обнаруживаются в прямом поиске. В период пандемии COVID-19 многие церкви создали такие группы, чтобы сохранить коммуни-

кативные практики изучения Библии, а также живое общения по вопросам взаимной поддержки.

Примечательно, что в этой части своего исследования постсекулярных практик новых протестантских городских сообществ Юй Сяочэнь делает неожиданный выбор концептуальной рамки в пользу «теории сфер» современного немецкого философа Петера Слотердайка. Она подвергает жесткой критике современные социологические исследования цифровой религии, в частности Х. Кэмпбэлл, за их метафору сети, которая акцентирует внимание исключительно на выстраивании коммуникативных пространств. По мнению Юй Сяочэнь, концепты цифровой религии упускают из виду изучение внутренней динамики онлайн-сообществ, их «эмоционально насыщенные формы совместности», создаваемые ими цифровые пространства безопасности, выстраиваемые стратегии поддержания иммунитета от внешнего мира.

Исследовательница предлагает применить «теорию сфер» Слотердайка, трактующую цифровые сообщества как «пузыри», или капсулы, внутри которых общение опирается на взаимодоверие и поддержку [ibid.: 151—153]. Это позволяет автору интерпретировать WeChat-группы мигрантских церквей как защищенные от внешнего проникновения миры, выстраиваемые на коммуникативных практиках доверия и заботы. В условиях пандемии такие группы помогли верующим воссоздать чувство принадлежности и эмоционального убежища [ibid.: 153, 157].

Здесь весьма интересен кейс, разбираемый Юй Сяочэнь, свидетельствующий об ограниченных возможностях выстроить такие коммуникативные практики за пределами сообществ. Когда лидеры одной из «домашних церквей» создали открытый аккаунт, чтобы через публикацию проповеднических материалов расширить аудиторию сообщества, они вскоре получили предупреждения от цензоров платформы. В результате аккаунт был закрыт по соображениям безопасности, а сохранившиеся закрытые сообщества ввели самоцензурирование, прибегая к языковым метафорам при обсуждении чувствительных тем [ibid.: 159—161].

И здесь мы соприкасаемся с гибридным репрезентом постсекулярных трактов ценности «безопасность»: постулируемая секуляризмом открытость в условиях китайского общества оборачивается опасностью и рисками для религиозных голосов в публичной медиасфере.

Анализ переплетений секулярного и постсекулярного позволил Юй Сяочэнь обозначить протестантские WeChat-группы как «альтер-сообщества» (alter-community). Такие сообщества избегают оппозиционной самоидентификации и не противопоставляют себя государству напрямую. Жесткие цензурные ограничения и угроза безопасности тематически формируют их внутренний дискурс, в котором артикуляция чувствительных тем становится невозможной [ibid.: 162].

Можно предположить, что выявленные Юй Сяочэнь коммуникативные тактики характерны не только для протестантских общин и обозначают относительно устойчивые формы адаптации неофициальных религиозных сообществ к условиям жесткого государственного регулирования. Применение «теории сфер», в которой акцентируется идея границ пространства от внешнего мира, вводит в исследования медиатизации религии вопросы специфики коммуникативных практик религиозных организаций в случае цензурирования цифровой медиасреды со сторо-

ны государства. Полученные Юй Сяочэнь результаты можно соотнести, например, с недавним исследованием Е. А. Островской и соавторов, посвященным коммуникативным практикам православной миссии в Китае. В нем проанализированы коммуникативные стратегии, реализуемые православными священниками в условиях запрета на проповедь, поскольку православие не относится к пяти официальным религиям Китая. Главной медиаплощадкой, на которой действуют онлайн-сообщества православных-мирян, также выступает мессенджер WeChat, а религиозная активность ведется как неконфронтационная по отношению к государству [Островская, Бадмацыренов, Васильева, 2023].

Рецензируемая статья отчетливо свидетельствует, что в исследованиях постсекулярности современного Китая сложился арсенал инструментов и подходов: концепции постсекулярного сближения, теозтики и живой религии, интерсекционный анализ. Однако, несмотря на все претензии продемонстрировать применимость этого арсенала в исследованиях незападного материала, избираемый объект для изучения — протестантские общины китайского мегаполиса — оказывается типологически близок к западным религиозным прототипам. В связи с этим остается открытым вопрос, насколько данный концептуальный аппарат может быть задействован при изучении иных религиозных традиций Китая — буддизма, даосизма или народных верований, для которых характерны размытые конфессиональные границы и иные формы сопряжения религиозного и светского.

Несомненное достоинство представленного исследования — попытка преодолеть характерную для отечественной и зарубежной социологии религии рамку анализа, в которой государство противопоставляется в бинарной оппозиции иным сферам, в частности религии, а отношения между ними задаются как конфликтные. Реальность современных обществ, включая и китайское общество, обнаруживает себя как устроенную заметно сложнее. В большинстве современных обществ экономическая модернизация не привела к демократизации политической системы, потребительское благополучие среднего класса не конвертировалось в политические требования, а действующая цензура зачастую воспринимается не как ущемление индивидуальных прав, а как эффективный способ сохранить социальный порядок. Отталкиваясь от исходного тезиса П. Клоука, Дж. Бомонта о религии как ресурсе сопротивления, Гао Цюань демонстрирует, как в условиях жесткого политического режима между государством и его контрагентами выстраивается широкий диапазон вариантов сопряжения. В современном Китае отношения между государством, религиозными организациями, цифровыми платформами и городскими сообществами формируются как подвижная система переговоров, взаимных адаптаций и ситуативных компромиссов.

Список литературы (References)

1. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б., Васильева С. В. Медиатизированное православие: миссия в Китае // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 66—79.
Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B., Vasilieva S. V. (2023) Mediatized Orthodoxy: Mission in China. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 3. P. 66—79. (In Russ.).

2. Cloke P., Beaumont J. (2013) Geographies of Postsecular Rapprochement in the City. *Progress in Human Geography*. Vol. 37. No. 1. P. 27—51. <https://doi.org/10.1177/0309132512440208>.
3. Cloke P., Baker C., Sutherland C., Williams A. (2019) Geographies of Postsecularity: Re-envisioning Politics, Subjectivity and Ethics. London; New York, NY: Routledge.
4. Gao Q., Qian J., Yuan Z. (2018) Multi-scaled Secularization or Postsecular Present? Christianity and Migrant Workers in Shenzhen, China. *Cultural Geographies*. Vol. 25. No. 4. P. 553—570. <https://doi.org/10.1177/1474474018762814>.
5. Gao Q. (2020) Inhabiting Secularity and Postsecularity: Christianity, Neoliberal Transition, and the Intersectional Experiences of Migrant Workers in Shenzhen, China. PhD Thesis. Newcastle upon Tyne: Newcastle University. URL: <https://theses.ncl.ac.uk/jspui/handle/10443/5010> (accessed: 20.04.2026).
6. Gao Q., Hopkins P., Ma X. (2025) Toward Postsecular Feminism: Intersectionality and the Religious Subjectivities of Women Migrant Workers in China. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 115. No. 1. P. 167—183. <https://doi.org/10.1080/24694452.2024.2410002>.
7. Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A., Fahmy D. (2025) How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020. Washington, DC: Pew Research Center. <https://doi.org/10.58094/fj71-ny11>.
8. Ji Zh. (2008) 汲喆. 如何超越经典世俗化理论?—评宗教社会学的三种后世俗化论述 // 社会学研究. No. 4. P. 55—75. (In Chinese).
Ji Zhe (2008) How to Transcend Classical Secularization Theory? A Review of Three Postsecularization Discourses in the Sociology of Religion. *Sociological Studies*. No. 4. P. 55—75. (In Chinese).
9. Ji Zh. (2015) Secularization without Secularism: The Political-Religious Configuration of Post-1989 China. In: Ngo T. T. T., Quijada J. B. (eds.) *Atheist Secularism and its Discontents*. London: Palgrave Macmillan. P. 92—108.
10. Laliberté A. (2020) Multiple Secularities in Culturally Chinese Societies. In: *Companion to the Study of Secularity*. Leipzig: HCAS «Multiple Secularities — Beyond the West, Beyond Modernities», Leipzig University. URL: www.multiple-secularities.de/media/css_laliberte_chinesesocieties.pdf (accessed: 20.04.2026).
11. Liao X. (2019) China: Some Exceptions of Secularization Thesis. *Religions*. Vol. 10. No. 1. Art. 56. <https://doi.org/10.3390/rel10010056>.
12. Lu Y., Sheng H. (2024) Sociological Studies on Chinese Religion Since the Turn of the Century. *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 10. No. 1. P. 3—18. <https://doi.org/10.1177/2057150X231223288>.
13. Szonyi M. (2009) Secularization Theories and the Study of Chinese Religions. *Social Compass*. Vol. 56. No. 3. P. 312—327. <https://doi.org/10.1177/0037768609338763>.

14. Wang Sh. (2025) The Varieties of Protestant House Churches: Beyond Authoritarian Legality. *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 73. No. 4. P. 932—970. <https://doi.org/10.1093/ajcl/avaf038>.
15. Wu Z. (2025) The Basic Characteristics of the Chinese Secularisation Tradition. In: *Secularization and China's Modernization*. Singapore: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-97-8062-4_3.
16. Xu A. (2024) Typologies of Secularism in China: Religion, Superstition, and Secularization. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 66. No. 1. P. 57—80. <https://doi.org/10.1017/S0010417523000324>.
17. Yu X. (2025) Investigating Postsecularity in Urban China: Christianity, Lived Religion, and the Intersectional Experiences of Migrant Christians in Shenzhen. PhD Thesis. Durham: Durham University. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/16237/> (accessed: 20.04.2026).